

А. А. ПИЧХАДЗЕ

О ФУНКЦИОНИРОВАНИИ ДРЕВНЕРУССКОЙ ЦЕРКОВНОЙ КНИЖНОЙ И ОБИХОДНОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ *

Усвоение церковной терминологии на Руси началось по меньшей мере на век с четвертью позже, чем у западных и южных славян. К концу X в. в Моравии и Болгарии уже функционировали многочисленные термины, обозначающие церковные реалии, причем многие из них входили в достаточно длинные синонимические ряды [Пентковский 2001]. Распределение синонимов по сферам употребления было связано с разными факторами: местной культурной традицией, диалектной спецификой, разницей между книжным и обиходным узусом. Последний фактор стал предметом специального исследования Т. И. Афанасьевой [2012а]; именно на различиях между книжной и обиходной лексикой — применительно к древнерусской ситуации — будет сосредоточено внимание и в настоящей статье.

Восточнославянская письменность усвоила синонимическое богатство церковной терминологии, бытовавшей у западных и южных славян, в значительном объеме. Генетические различия, которые должны были ощущаться на южнославянской почве (заимствованный статус моравизмов в древнеболгарском), восточными славянами уже не воспринимались: западнославянская лексика проникала к ним как через западнославянские, так и — главным образом — через южнославянские источники, ср. [Максимович 2005: 123–145, 153]. Точно так же стирались на восточнославянской почве различия, связанные с принадлежностью тех или иных церковных терминов юго-западным (македонским) или восточноболгарским диалектам. Статус церковного термина в древнерусском языке определялся не его происхождением, а другими факторами, которые еще предстоит исследовать.

Чтобы понять, какие языковые традиции влияли на выбор древнерусскими книжниками терминов, обозначающих одну и ту же церковную реальность, нужно привлечь для сопоставления с восточнославянскими памятни-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (грант № 16-18-02095), предоставленного через Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН.

ками тексты южнославянского происхождения и тексты, которые, по всей вероятности, были составлены южными славянами на Руси. Ниже для этой цели используются старославянские памятники (по [ССЯ I–IV]), древнемакедонские и древнеболгарские переводы с греческого к. IX—X в.: «Сказание церковное» — памятник, отражающий македонский узус к. IX в., т. е. традицию учеников Кирилла и Мефодия (по [Афанасьева 2012б]), «Римский патерик» (по [Дидди 2001]), «Синайский патерик» (по указателю [Dumitrescu 1976]) и восточноболгарские по происхождению «Изборник» 1073 г. (по [Симеонов сборник]) и «Беседу против богомилов» Козьмы Превритера вт. пол. X в. (по [Давидов 1976]). В «Римском патерике» отчетливо выделяются две части, кардинально отличающиеся по словоупотреблению: первая, архаичная по своим языковым особенностям, охватывает 4/5 общего объема, вторая — начиная примерно со с. 415 по изданию [Дидди 2001] — содержит лексемы, характерные для восточноболгарской (преславской) письменности.

Следующая группа памятников, привлеченных для сопоставления, — переводы с греческого, в лексиконе которых присутствуют как южнославянские, так и восточнославянские элементы: «Повесть о Варлааме и Иоасафе» (данные по [Лебедева 1988]), Ефремовская кормчая (по [Maksimović 2010]) и «Житие Феодора Студита» (по [Дубровина и др. 1977]). Эти переводы, по-видимому, выполнены южнославянскими переводчиками на Руси в XI — нач. XII в.; они отличаются довольно архаичным словоупотреблением [Пичхадзе 2011: 57–82]. В Ефремовской кормчей выделяются две части: небольшая первая часть, очень архаичная в отношении лексики, заканчивается на с. 153 по изданию [Бенешевич 1906–1907]. К этой группе примыкает «Студийский устав», переведенный по заказу Феодосия Печерского для Киево-Печерского монастыря. В этом переводе гораздо больше русизмов, чем в трех остальных памятниках; ниже приводятся данные ктиторской части «Студийского устава» по древнерусскому подкорпусу Национального корпуса русского языка¹. «Студийский устав» по языку и принципам перевода близок ко второй части Ефремовской кормчей [Пичхадзе 2011: 79–81, 226–228, 314].

Еще одна группа текстов — поучения и ответы церковных иерархов на вопросы, касающиеся церковной жизни, — состоит из переводных и оригинальных текстов. Греческий оригинал «Ответов игумену Герману» первого киевского митрополита-грека Георгия (1061/1062–1075) неизвестен; судя по свободному синтаксису, текст был составлен на древнерусском языке, если только до нас дошла не позднейшая переработка [Турилов 2004: 218; Баранкова 2012: 28]; памятник исследовался по публикации [Баранкова 2012: 28–36]. «Ответы черноризцу Якову» киевского митрополита-грека Иоанна II (1076/1077–1089) представляют собой точный перевод с греческого источника, который, однако, содержит только 20 ответов, в то

¹ Далее — НКРЯ (ruscorpora.ru).

время как в переводе их 34. «Ответы» сохранились в составе Новгородской кормчей 1280 г.; данные приводятся по изданию А. С. Павлова [РИБ VI: 1–20]. Произведения киевского митрополита-грека Никифора (1104–1121) — «Поучение в неделю сыропустную» и три послания (Владимиру Мономаху о постве, ему же о вере латинской и Ярославу Святополчичу о ересьях латинских) — исследованы по изданию [Баранкова 2005]; в посланиях использованы греческие источники, но они сильно переработаны [Там же: 18–20, 36–42]. Данные оригинального древнерусского «Вопрошания» Кирика Новгородца, Саввы и Ильи сер. XII в., сохранившегося в составе Новгородской кормчей 1280 г., приводятся по НКРЯ. Наконец, «Поучение» новгородского епископа Ильи-Иоанна, составленное ок. 1165 г. и сохранившееся в списке XV в., цитируется по публикации [Павлов 1890].

Из оригинальных древнерусских памятников были привлечены записи писцов в древнерусских рукописях XI–XIV вв. (по [Столярова 1998]), агиографические тексты — анонимное «Сказание о Борисе и Глебе с чудесами» и «Житие Феодосия Печерского» Нестора (по указателю к Успенскому сборнику XII–XIII вв. в [Князевская и др. 1971]), древнерусские летописи (Повесть временных лет — по [ПСРЛ I], Киевская летопись — по [Юрьева 2017], Новгородская I по Синодальному списку, Галицкая, Волынская, Суздальская летописи — по НКРЯ) и берестяные грамоты (по [Зализняк 2004; Янин и др. 2015]).

Названия монаха

Один из наиболее длинных синонимических рядов составляют названия монаха. В восточнославянской письменности получили распространение пять лексем (см. табл. 1)².

Германизм **мънихъ** засвидетельствован прежде всего в Номоканоне Мефодия — памятнике, для которого предполагается моравское происхождение; в восточноболгарской Супрасльской рукописи он не отмечен. Самым употребительным в старославянских памятниках является термин **чръньць**. Помимо Синайского евхология, Номоканона Мефодия, Супрасльской рукописи и Жития Константина, он зафиксирован в месяцеслове Асеманиева евангелия [ССЯ IV: 889]. Более узкий круг распространения в старославянском — Номоканон Мефодия, Супрасльская рукопись, Житие Константина — имел термин **чръноризъць** [Там же: 888]. Грецизм **калоуѣръ** встречается только в Номоканоне Мефодия и более поздних памятниках западного происхождения [ССЯ II: 8]; **инокъ** отсутствует в старославянских памятниках — лишь в Супрасльской рукописи встретилось производное **иночьство**, а в Житии Константина — прилагательное **иночьскыи** [ССЯ I: 774–775].

² В «Поучении» Ильи ни одно из этих слов не встречается.

Таблица 1

мѣнихъ — инокъ — калодѣръ — чьрноризьць — чьрньць

	мѣнихъ	инокъ	калоуѣръ	чьрноризьць	чьрньць
Ст.-слав.	Евх., Ном.	— (иночѣство Супр., иночѣ- скыи Ж. Кон- стантина)	Ном.	Супр., Ном., Ж. Констан- тина	Евх., Супр., Ном., Ж. Кон- стантина
Сказ. церк.	— (мѣнишь- скыи 1)	—	—	— (чрьно- ризьчь 1)	—
Рим. пат. 1	passim	6	—	—	—
Рим. пат. 2	—	—	—	1	8
Изб. 1073 г.	—	—	—	2	18
Козьма Презв.	—	—	—	—	12
Син. патерик	52	—	10	14	9
Варл. Иоас.	22	—	—	—	—
Ефр. корм. 1	—	7 + инокыи 7	—	2	2
Ефр. корм. 2	64	—	—	— (чьрнори- зница 12)	—
ЖФСт	31	— (иночѣскыи 1)	—	—	—
Уст. студ.	102	— (иноковати 2)	—	—	—
Сказ. Бор. Гл.	—	—	—	2	—
ЖФП	9	инокыи 2	—	15	7
Отв. Иоанна	4	—	—	—	1
Отв. Георгия	—	—	3	—	— (чьрница 1)
Никифор	—	—	—	—	3
Вопр. Кирика	—	—	—	—	7
Записи писцов	1	2 + 1?	2	3	8
ПВЛ	2	—	—	22	7
Киевская лет.	1	—	1	7	9
Галицкая лет.	—	—	1	—	— (чьрница 1)
Волын. лет.	2	—	—	1	3

	мънихъ	инокъ	калоуѣръ	чърноризъць	чърньць
Сузд. лет.	2	—	1	9	19
Новг. I лет.	—	—	—	2	15
Берест. гр.	—	— (иночин 1)	—	—	1

В «Сказании церковном» отмечены только прилагательные **мънишьскыи** и **чърноризъць**, что хорошо коррелирует с распространенностью терминов **мънихъ** и **чърноризъць** в текстах, связанных с великоморавской традицией.

В болгарской письменности X в., как показывают данные «Римского патерика», выбор синонима был обусловлен принадлежностью переводчика к той или иной книжной традиции: термины **мънихъ** и **чърньць / чърноризъць** находятся в этом памятнике в дополнительном распределении. С начала (11.13) и до конца первой части регулярно употребляется **мънихъ**, начиная с 119.29 наряду с ним в соответствии с *μοναχός* изредка появляется **инокъ**; в первой части многократно встречается прилагательное **мънишьскыи**, начиная со стр. 183 оно перемежается с **иночьскыи**. Другие синонимы в архаичной первой части не встречаются. Преобладание термина **мънихъ** характерно также для «Синайского патерика». Во второй части «Римского патерика», отражающей восточноболгарское словоупотребление, напротив, используются только **чърньць** и **чърноризъць**, наряду с которыми фиксируются также **чърница** 477.21, **чърнечьство** 427.3, **чърноризница** 477.14. Такую же картину демонстрируют восточноболгарские памятники — «Изборник» 1073 г. и «Беседа против богомилов» Козьмы Превритера. В X в. слова **чърньць**, **чърньчьскыи**, **чърньчьство** получают широкое распространение в болгарской книжности — в частности, они многократно зафиксированы в южнославянских текстах Успенского сборника.

В древнеболгарской письменности, как и в старославянских памятниках, термины **инокъ** и **калоуѣръ** сравнительно редки. Тем не менее **инокъ** и производные употребляются в гимнографии — наряду с **мънихъ** и **чърноризъць** [Срз. I: 1003; Christians 2001: 75, 100, 234]. Некоторые южнославянские авторы имели пристрастие к термину **калоуѣръ / калогеръ**: например, в Успенском сборнике он трижды встречается в «Сказании Агания» (288a39, 288b12, 292b11), но в других текстах этого сборника не отмечен. Очевидно, грецизм **калогеръ** на раннем этапе освоения в какой-то мере сохранял функциональную особенность своего этимона: греч. *καλόγερος* первоначально служило обращением к монаху, и в «Синайском патерике» **калогеръ / калогеръ** (так же, как *καλόγερος* в греческом оригинале) выступает исключительно в звательном падеже в качестве обращения [Мушинская 2015: 269–272].

Переводы с греческого XI — нач. XII в., в лексиконе которых содержатся южнославянизмы и русизмы, а также «Ответы» Иоанна II отдают явное предпочтение термину **мънихъ**. В «Повести о Варлааме и Иоасафе»,

помимо существительного, многократно употребляется прилагательное **мнишескыи**, в том числе в сочетании **мнишескыи чинъ** [Лебедева 1988: 83]. Видимо, так же обстоит дело в переводе «Хроники» Георгия Амартола, к которому близка по языку и принципам перевода «Повесть о Варлааме и Иоасафе» [Истрин 1930: 257]; термин **чърньць** в «Хронике» не отмечен, хотя встречается **чърноризъць** [Там же: 344]. Во второй части Ефремовской кормчей наряду с **мънишица** используется синоним **чърноризница** — при полном отсутствии **чърноризъць**. В первой части Ефремовской кормчей, помимо **инокъ / инокыи**, встречается прилагательное **иноческыи** (4 раза) и глагол **иночествовати** (3 раза), а также — по одному разу — **чърньчество** и **чърница**.

Особое место в общем ряду занимают «Ответы» Георгия, в которых трижды использован термин **калоуѣръ** (лл. 26 об., 28 дважды) и лишь однажды — **чърница** (л. 28, в рукописи ошибочно **чърньць** [Турилов 2004: 253]).

Оригинальные восточнославянские тексты решительно отличаются от переводных высокой частотностью синонимов **чърноризъць** и **чърньць**; сочинения митрополита Никифора, частично восходящие к греческим оригиналам, в этом отношении схожи с древнерусскими сочинениями. При этом **чърньць** используется активнее, чем **чърноризъць**; лишь в «Житии Феодосия Печерского» и «Повести временных лет», более книжной, чем остальные летописи, последний синоним встречается чаще.

«Житие Феодосия Печерского» как агиографический текст, насыщенный церковнославянскими терминами, выделяется на фоне других памятников активным употреблением слова **мънихъ**; здесь также 5 раз зафиксировано прилагательное **мънишескыи**. В церковнославянском памятнике «Повесть о беспечном царе и его мудром советнике» Кирилла Туровского (по списку ГИМ, Синод. 935, XVI в.) термин **мънихъ** тоже превосходит по частотности остальные синонимы: он встречается 7 раз³ наряду с **чърноризъць** и **калоуѣръ**, зафиксированными по одному разу (лл. 72а2 и 78б8 соответственно); от остальных синонимов здесь представлены только производные — **иноческыи** 77б16, 78б18, **чърньческыи** 76а2, **чърньчество** 81б7.

В летописях **мънихъ** появляется редко, причем обычно в специфических контекстах. Так, в «Повести временных лет» в одной из двух фиксаций это слово, видимо, входит в состав именования: участник VI Вселенского собора от Александрии назван **Петръ мнихъ** [ПСРЛ I: 115]; во втором случае оно обозначает монашеский чин: **помысли быти мнихъ** 'решил стать монахом' [Там же: 191]. В Волынской летописи **мънихъ** употребляется по отношению к польским монахам (910.2 и 13). В Суздальской летописи один из двух контекстов со словом **мънихъ** заимствован из Киевской летописи. Но прилагательное **мънишескыи** в летописях встречается чаще, обычно в сочетании **мънишескыи чинъ**: в ПВЛ — 1 раз, в Киевской лето-

³ 76а7, 16; 78б4, 10; 79а9; 80а18; 80б12; кроме того, **мънишескыи** 76а14; 79а8; 79б16; 80б7.

писи — 6 раз (из них 4 раза в сочетании с **чинъ**), в остальных летописях — только в сочетании **мънишьскыи чинъ**: в Галицкой и Суздальской летописях — по 4 раза, в Волынской летописи — дважды. Можно предположить, что это сочетание было усвоено из книжной традиции, отразившейся, например, в «Повести о Варлааме и Иоасафе». Наряду с ним в летописях часто встречается **чърноризъчъскыи чинъ**.

Редким в летописях термином **калоуѣръ** в Суздальской летописи (315.5) назван Климент Смолятич в рассказе о его поставлении митрополитом. Тавтологичное сочетание **созва калоуѣры. и мнискии чинъ** в Галицкой летописи (806.9-10), очевидно, связано со склонностью её автора к сугубо книжным выражениям.

Записи писцов в древнерусских рукописях демонстрируют ту же картину, что и летописи. Термин **мънихъ** здесь появляется только в эпоху второго южнославянского влияния — в записи писца Лаврентия, венчающей летописный свод 1377 г. Кирик Новгородец в приписке к своему «Учению» именует себя **калоуѣръ** [Срз. I: 1183], фиксация этого слова в записях писцов относится лишь к 1397 г. Для термина **иннокъ** в записях нет надежных ранних фиксаций: запись Антония с датой 1129/1130 г. сохранилась в поздней копии, две другие записи относятся к концу XIV в. [Столярова 1998: 289, 371; СДРЯ XI–XIV, 4: 158].

В берестяных грамотах с XII в., помимо **чърньць**, фиксируется также **чърница** и **чърньчъскыи** [Зализняк 2004: 817], а кроме того — притяжательное прилагательное **иночии** в грамоте № 927 вт. пол. XII в. [Янин и др. 2015: 20]. Интересно, что те же термины употребляются в древнерусском литературном тексте — «Молении» Даниила Заточника, возникшем, по видимому, в XIII в.: здесь зафиксированы **чърньць**, **чърница** и прилагательное **иночъскыи** [Лексика 1981: 83, 222].

Как видно из этого материала, два самых распространенных в старославянском термина, обозначающие монаха, кардинально разошлись в древнерусской письменности: в восточнославянском узусе **мънихъ** занимает высшую позицию на шкале книжности, а **чърньць** — низшую. Показания русских летописей, берестяных грамот и записей писцов свидетельствуют о том, что обиходным названием монаха в восточнославянском ареале было **чърньць**, продолжениями которого являются укр. *чърнець* ‘монах’, блр. *чарнец* ‘то же’. Этот термин наиболее распространен и в восточноболгарских памятниках — Супрасльской рукописи, второй части «Римского патерика», «Изборнике» 1073 г. и «Беседе против богомилов» Козьмы Превритера. Моравизм **мънихъ** господствует в архаичной первой части «Римского патерика» и «Синайском патерике», а также в переводах XI–XII вв., содержащих лексические южнославянизмы и русизмы. Хотя эта группа текстов, судя по времени возникновения переводов и по наличию в них русизмов, переведена на Руси, она отражает не восточнославянский узус, а архаичные переводческие традиции. Особенно показательны в этом отношении «Ответы» Иоанна II и «Студийский устав», которые хотя и предна-

значались специально для древнерусской аудитории, не были ориентированы на древнерусское употребление.

Тексты русских священнослужителей неоднородны в употреблении термина для названия монаха. «Ответы» Георгия не совпадают ни с «Ответами» Иоанна II, ни с сочинениями Никифора и «Вопрошанием», однако сопоставимы с записями писцов и летописями, в частности, полностью схожи с претендующей на книжность Галицкой летописью. Буквально переведенные с греческого «Ответы» Иоанна II не отличаются от других переводов XI–XII вв., но сочинения Никифора, зависящие лишь частично от греческих оригиналов, и древнерусское «Вопрошание» Кирика, Саввы и Ильи отражают восточнославянский обиходный узус. Термин **чърньць** господствует также в епитимейно-канонических и дисциплинарных подборках, сохранившихся в многочисленных восточнославянских рукописях [Смирнов 1912: 79, 88, 112–113, 173, 176]. Это разнообразные правила, касающиеся церковного обихода, в которых, наряду с западно- и южнославянскими источниками, используются и древнерусские — например, «Ответы» Георгия и др.; инославянские источники подвергались в подборках церковных правил сильной русифицирующей переработке. Так, в одном из «Двух правил монахам», сохранившихся в списках начиная с рубежа XII–XIII вв., исконное **калоу҃геръ** последовательно заменено в Устюжской и Новгородской кормчих на **чърньць**, хотя во втором правиле оставлено без изменений [Там же: 32–38, 299–309; Баранкова 2017: 61–62, 67–78].

Примечательно, что в именовании лиц и самоименованиях чаще, чем в других контекстах, встречаются книжные термины **мънихъ** и **калоу҃геръ**. Иларион в записи о поставлении в митрополиты, выдержанной в книжном ключе, называет себя **мънихъ** — при том что в тексте «Слова о законе и благодати» употребляется только **чърноризъць** [Молдован 1984: 4, 235].

Название монахини занимает более низкую позицию на шкале книжности, чем название монаха, употребляемое в том же самом памятнике: при обычном **мънихъ** во второй части Ефремовской кормчей применительно к монахине используется термин **чърноризница**, точно так же, как **чърница** при **калоу҃геръ** в «Ответах» Георгия и Галицкой летописи.

Названия священника

Распределение синонимов, служивших в древнейший период славянской письменности обозначением священника, во многом — хотя и не во всем — совпадает с распределением названий монаха. Общим названием для любого священника, в том числе не христианского, был книжный грецизм **иєрѣи**. В переводных памятниках он регулярно соответствует греч. **ἱερεύς**, а в оригинальных встречается редко. Из всех оригинальных текстов, привлеченных для исследования, он зафиксирован только в летописях: по одному разу в Киевской, Волынской и Суздальской, дважды — в Новгородской I летописи (здесь также 5 раз отмечено прилагательное **иєрѣиский**,

из них 4 раза — в сочетании **нерѣискыи чинъ**). Термин **сѡще(нь)никъ** в древнерусский период еще редок, он употребляется только в церковно-славянских текстах и у русских иерархов, но в епитимейно-канонических подборках, летописях, берестяных грамотах не встречается. В роли основных синонимов-конкурентов, обозначающих христианского священника, в древнейших славянских текстах выступают грецизм **прозвѡѹтеръ** (**презвѡѹтеръ**) и германское заимствование **попъ**, усвоенное в Моравии от немецких проповедников (см. табл. 2). Ни тот, ни другой синоним не засвидетельствован в «Повести о Варлааме и Иоасафе» и «Ответах» Иоанна II: здесь употребляется только **нерѣи**.

Таблица 2

прозвѡѹтеръ (презвѡѹтеръ) — попъ

	прозвѡѹтеръ	попъ
Ст.-слав.	Супр., Ном., Бес. и др.	Евх., Супр., Ном., Ж. Меф. и др.
Сказ. церк.	1	4
Рим. пат. 1	passim	—
Рим. пат. 2	2	11
Изб. 1073 г.	2	1
Козьма Презв.	1	19
Син. патерик	65	2
Ефр. корм. 1	7	70
Ефр. корм. 2	28	150
Уст. студ.	—	75
ЖФСт	2	—
Записи писцов	3	18
Отв. Георгия	7	17
Никифор	—	9
Вопр. Кирика	—	30
Поуч. Ильи	—	16
Сказ. Бор. Гл.	5	1 (поповъство 4)
ЖФП	9	—
ПВЛ	10	15
Киевская лет.	2	25
Галицкая лет.	—	4
Волын. лет.	—	4
Сузд. лет.	1	20
Новг. I лет.	—	26
Берест. гр.	—	35

В старославянских памятниках термин **попъ** распространен шире, чем книжный грецизм **прозвѣтеръ**; это хорошо соотносится с большей частотностью слова **попъ** в «Сказании церковном», отражающем узус учеников Кирилла и Мефодия.

В «Римском патерике» представлены две южнославянские переводческие традиции, как и в случае с **мънихъ / чръныцъ**. В первой части употребляется только грецизм **прозвѣтеръ**; во второй части преобладает **попъ**, а **прозвѣтеръ** встречается всего дважды (481.18 и 27). Как и в случае с **мънихъ / чръныцъ**, «Синайский патерик» совпадает в своих предпочтениях с первой частью «Римского патерика», противостоя подавляющему большинству остальных памятников. Вторая часть «Римского патерика», по-видимому, отражает восточноболгарский узус — правда, данные «Изборника» 1073 г. не могут служить подтверждением этому ввиду их крайней скудости, но в «Беседе против богомилов» Козьмы Превзитера преобладание термина **попъ** очевидно: **прозвѣтеръ** употребляется только один раз по отношению к Иоанну экзарху болгарскому, а также в заголовке в качестве именования самого Козьмы (заголовок может не принадлежать автору). В небольшом апокрифе «Откровение святым апостолам», лексика которого как будто указывает на его восточноболгарское происхождение [Райнхарт 2014], слово **попъ** повторяется 6 раз на двух соседних листах, **прозвѣтеръ** отсутствует [Там же: 153]. Несомненно, слово **попъ** было обиходным термином у южных славян, о чем свидетельствует его широкое распространение в южнославянских языках, в частности в болгарских диалектах [Максимович 2005: 140].

Что касается переводов с греческого XI — нач. XII в. с южнославянскими и восточнославянскими элементами в лексике, то и они — в той мере, в которой содержат релевантные формы, — тоже предпочитают термин **попъ**; во всяком случае это справедливо для обеих частей Ефремовской кормчей и близкого к ней «Студийского устава». Правда, в «Житии Феодора Студита» слова **попъ** нет, но его конкурент **презвѣтеръ / прозвѣтеръ** встретился лишь дважды.

В «Ответах» Георгия сначала употребляется **прозвѣтеръ** (лл. 25, 25 об., 26, 26 об., 30⁴ дважды, 27 об.), ближе к концу — преимущественно **попъ** (лл. 26 об., 30 — 4 раза, 30 об. — 5 раз, 27 дважды, 27 об., 28 — 4 раза), здесь же **поповѣство** 30 об.; трудно сказать, сам ли составитель текста изменил свои предпочтения под влиянием местного узуса или же вторая часть подверглась позднейшей редактуре. В любом случае грецизм **прозвѣтеръ** хорошо сочетается с термином **калоѣтеръ**, которым обозначается в «Ответах» Георгия монах.

Сочинения Никифора и Ильи, а также «Вопрошание» Кирика, Саввы и Ильи вполне схожи с оригинальными древнерусскими сочинениями. Пять

⁴ Адреса указаны в порядке следования текста; 30-й лист в рукописи был по ошибке вплетен не на свое место — после всех остальных листов, содержащих текст «Ответов».

фиксаций слова **попъ** отмечены у Никифора в Послании Владимиру Мономаху о вере латинской, четыре — в Послании Ярославу Святополчичу, причем одна из пяти фиксаций в Послании Владимиру Мономаху соответствует греческому *ἱερεύς* [Баранкова 2005: 161–162]. В «Поучении» Ильи встретился также сингулятив **попинъ** ‘поп’ — это слово характерно для древнерусских текстов, отмечено в западнославянских памятниках, но не зафиксировано в южнославянской письменности. Термин **попъ** господствует и в епитимейно-канонических подборках [Смирнов 1912: 32, 46, 49, 55, 56, 59 и мн. др.].

Преобладание термина **попъ** в берестяных грамотах, летописях, записях писцов и древнерусских подборках церковных правил свидетельствует о его принадлежности обиходному узусу. «Повесть временных лет» выделяется на фоне остальных летописей высокой частотностью грецизма **прозвѹтеръ** / **прозвѹтеръ**, который употребляется при именовании лиц — священника княгини Ольги, византийских и римских священников и др.

В записях писцов грецизм фиксируется редко: в Мстиславовом евангелии до 1117 г. (**алекса... снѣ лазоревъ. прозвѹтера**), Галицком евангелии 1266–1301 гг. и Евсевиевом евангелии 1282 или 1283 г. [Столярова 1998: 287, 301, 307]⁵. Помимо многократного употребления слова **попъ** в записях писцов, здесь часто встречаются его производные: **роппъ**, **поповичъ** (4 раза), прилагательное **поповъ** и сингулятив **попинъ** (4 раза) [Столярова 1998: 291, 299, 305, 307, 312, 326, 328, 329, 376].

Иларион в записи о поставлении в митрополиты называет себя **прозвѹтеръ** — в отличие от «Слова о законе и благодати», где отмечен только синоним **попъ** [Молдован 1984: 4, 222]; как и в случае с **мънихъ** / **чърнориць**, в самоименовании фигурирует более книжный синоним.

Термин **попъ** широко употребляется также в древнерусских служебниках, причем только в рубриках, содержащих указания относительно службы, но не в самих текстах молитв [Афанасьева 2015: 212]; лексика рубрик в служебниках, как показано Т. И. Афанасьевой, отражает местный обиходный узус.

В противоположность летописям, записям писцов и берестяным грамотам, оба древнерусских агиографических произведения — «Сказание о Борисе и Глебе» и особенно «Житие Феодосия» Нестора — часто используют книжный грецизм **прозвѹтеръ**, который играет здесь роль церковнославянизма.

Названия причастия

Выбор названия причастия в древнерусских памятниках зависит не столько от степени книжности, сколько от жанра. К сожалению, ввиду тематической специфики релевантные лексемы отсутствуют во второй части «Римского патерика», «Повести о Варлааме и Иоасафе», записях писцов,

⁵ Еще одна фиксация относится к 1400 г. [Столярова 1998: 375].

«Сказании о Борисе и Глебе», «Житии Феодосия Печерского», «Студийском уставе», «Повести временных лет», Галицкой, Суздальской и Новгородской I летописи. Данные остальных памятников представлены в Таблице 3; в первой колонке суммированы контексты со словами **причастник**, **причастити(сѧ)**, **причащати(сѧ)**, **причащаник**, **причащеник**, во второй — со словами **комѣканик** и **комѣкати**.

Таблица 3

причастник — комѣканик

	причастник	комѣканик
Ст.-слав.	Евх., Супр., Ном.	Евх., Супр., Ном.
Рим. пат. 1	—	3
Изб. 1073 г.	1	9
Козьма Превз.	—	11
Син. патерик	8	8
Ефр. корм. 1	5 (3 из них в оглавлении)	23
Ефр. корм. 2	1	6
Уст. студ.	2	—
ЖФСт	4 ⁶	—
Отв. Иоанна	5+1 (вар. овъщеник)	—
Отв. Георгия	2	17
Никифор	3	—
Вопр. Кирика	38	3
Поуч. Ильи	11	—
Киевская лет.	2	—
Волын. лет.	2	—

Латинизм **комѣкати** был усвоен славянами в Моравии, по-видимому, от немецких проповедников; слово получило широкое распространение не только в южнославянских памятниках, но и в южнославянских диалектах [Максимович 2005: 133–135]. Есть мнение, что **причащеник** тоже возникло в Моравии как калька лат. *participatio* [Шевченко 2007: 225–227]; обычное греческое название причастия κοινωνία буквально означает '(при)общение'. В старославянских памятниках употребляются оба славянских синонима. Примечательно, однако, что в Синайском евхологии **комѣканик** и **комѣкати** отмечены только в литургической рубрике (**и комѣкаетъ ѿ оба и по комѣкани иметъ пѣтъ за ржж старѣншааго 11 об.** [Афанасьева 2015: 201]), в остальных случаях в памятнике представлено **причаститисѧ** и

⁶ 131 об.12, 132.3, 168.2, 3.

производные. В «Сказании церковном», отражающем македонский узус кон. IX–X в., отмечено только **причастник** 26163 [Афанасьева 2012б: 275]; **комѣканик** отсутствует, вместо него используется синоним **брашьнице**⁷ [Там же: 31–32].

По приведенной в Таблице 3 статистике видно, что заимствованный термин **комѣканик** был очень употребителен в южнославянской письменности, в том числе в восточноболгарских памятниках, о чем свидетельствуют данные «Изборника» 1073 г., «Беседы против богомилов» Козьмы Презвитера и других текстов [Срз. I: 1267]. В «Откровении святым апостолам» **комѣканик** и **комѣкати** повторяются четырежды на трех соседних листах, **причастник** и производные отсутствуют [Райнхарт 2014: 152–153]. Однако на восточнославянской почве термины **комѣканик** и **комѣкати** имели ограниченное распространение. Они отмечены лишь в «Ответах» Георгия, где решительно преобладают⁸, и в «Вопрошании» Кирика, где **комѣкати** сильно уступает в частотности славянскому синониму. Довольно часто **комѣканик** и **комѣкати** встречаются в епитимейно-канонических подборках, в том числе в текстах русских священнослужителей [Смирнов 1912: 33, 34, 37, 48, 109, 117, 119, 121–122 и др.], однако и здесь гораздо чаще употребляются **причастник** и производные. В русских служебниках, как и в Синайском евхологии, **комѣканик** и **комѣкати** фиксируются исключительно в рубриках, но не в молитвословиях, что указывает на обиходный характер этих лексем; их употребление ограничено служебниками древнейшего типа, впоследствии они заменяются на **причастник** и производные [Афанасьева 2012а: 258]. Изредка **комѣканик** и **комѣкати** встречаются в восточнославянских церковнославянских текстах — в древнерусском переводе «Жития Андрея Юродивого», в «Послании» епископа Симона Поликарпу [Срз. I: 1267]. В «Хронике Георгия Амартола», по-видимому, переведенной на Руси в XI в. южнославянскими переводчиками, отмечено прилагательное **комѣканьныи** [Там же]. Судя по данным «Ответов» Георгия и «Вопрошания» Кирика, употребление заимствованного термина со временем сузилось.

Таким образом, в восточнославянской письменности — в отличие от южнославянской — **комѣканик** выступает в основном как *terminus technicus* в служебниках, а также в текстах, специально посвященных вопросам церковной жизни. Специфика последних состояла в том, что они апеллировали к прецедентам, описанным ранее в авторитетных памятниках.

⁷ Этот специфически македонский термин не известен в восточнославянском ареале — как и другой македонский литургический термин **миса**; хотя в бытовом значении слово *миса* широко распространено в восточнославянских языках, в терминологическом значении в домонгольский период на Руси использовался грецизм **дискошь** [Афанасьева 2015: 199–200].

⁸ 23, 23 об., 24 трижды, 24 об. дважды, 26 дважды, 26 об., 30 дважды, 30 об. трижды, 27 об. дважды.

ках, и могли воспроизводить лексику своих источников. Например, в составленной на Руси «Заповеди ко исповедающимся сыном и дочерем» некоторые статьи, в которых употребляется **комѣканик**, заимствованы из «Беседы против богомилов» Козьмы Превритера [Смирнов 1912: 392]⁹. Возможно, на восточнославянской почве термин **комѣканик** заимствовался в первую очередь из кормчих, епитимейников и других канонических и дисциплинарных текстов и закрепился именно в этих жанрах.

К сожалению, данные летописей чрезвычайно скудны; они тем не менее указывают на то, что летописный узус предпочитал славянский синоним, который, в отличие от заимствования, имел внутреннюю форму, т. е. был семантически более содержательным (это важно для понятия, часто фигурирующего в экзегетических контекстах) и обладал большими словообразовательными и сочетаемостными возможностями: в отличие от **комѣканик** и **комѣкати**, термины **причастник**, **причаститисѧ** и производные могут управлять именной группой (ср. в «Повести о беспечном царе и его мудром советнике» Кирилла Туровского: **прѣстѣпающе ко прич(с)тню стѣхъ тѧн(н)** 80619 и т. п.).

Названия поста

Церковная терминология восточных славян по преимуществу была заимствованной, но изредка в неё проникали и специфически древнерусские термины (ср. [Афанасьева 2015: 210]). К их числу принадлежат лексемы **говѣти** в значении ‘поститься, воздерживаться от пищи’, **говѣник** в значении ‘пост, воздержание от пищи’ и **заговѣник** ‘канун поста’. В указанных значениях эти слова фиксируются только в оригинальных древнерусских сочинениях или в переводах, содержащих лексические русизмы [Срз. I: 532–533, 906–907; СДЯ XI–XIV 2: 343]. Они выступают синонимами к германизму **постъ**, получившему широкое распространение во всех славянских языках [Максимович 2005: 140–141], и производному глаголу **поститисѧ**. Распределение синонимов в текстах, содержащих релевантные формы¹⁰, показано в Таблице 4.

⁹ Благодаря текстуальной преемственности тексты дисциплинарного характера усвоили и другой моравизм — **малѣжена** ‘супруги, муж и жена’ [Максимович 2004: 94]. Характерный для юридических и пенитенциарных текстов моравской эпохи, он отмечен в «Ответях» Георгия (л. 24), «Вопрошании» Кирика и восточнославянских епитимейно-канонических подборках [Смирнов 1912: 47, 119].

¹⁰ Термины **(за)алѣкати**, **алѣчѣба**, характерные для преславской письменности, в восточнославянских памятниках крайне редки — см., например, в текстах, заимствованных из инославянских источников: [Смирнов 1912: 52, 243] или в церковнославянской «Повести о беспечном царе и его мудром советнике» Кирилла Туровского: **алѣканик** 81а5.

Таблица 4

постъ — говѣник

	постъ, поститисѧ	говѣник, говѣти
Уст. студ.	39	—
ЖФП	5	—
Отв. Иоанна	2	1
Отв. Георгия	6	7
Никифор	38	—
Вопр. Кирика	12	8
Поуч. Ильи	5	9
ПВЛ	21	—
Киевская лет.	7	4
Сузд. лет.	4	1
Новг. I лет.	6	6 (+ заговѣник 1)

Русизм **говѣник** часто фиксируется в сочетании **великоѧ говѣник** ‘великий пост’ — как, например, в «Ответах» Иоанна II в статье 5 (в соответствии с греч. μεγάλη τεσσαρακοστή). Ожидаемым образом в церковнославянских памятниках он встречается лишь спорадически, больше всего фиксаций в «Ответах» Георгия, «Вопрошании» Кирика, епитимейно-канонических подборках [Смирнов 1912: 63, 65, 68, 76, 92, 112, 113 и мн. др.] и наименее книжных летописях — Киевской и Новгородской I. Он проникает и в древнерусские переводы с греческого — в «Житие Андрея Юродивого», а также «Историю Иудейской войны» (**говѣюще ѿ вина** ‘воздерживающиеся от вина’ [НКРЯ] — в последнем контексте появление русизма оправдано тем, что речь идет не о христианских, а об иудейских реалиях). Термин, безусловно, восходит к глубокой — возможно, языческой — древности: он отмечен в статье 42 Краткой редакции «Русской Правды» [Срз. I: 532]. Особенностью функционирования синонимической пары **постъ** — **говѣник** является то, что первый синоним мог употребляться и в церковнославянских текстах, и в обиходной сфере, а термин **говѣник** оставался преимущественно обиходным.

Обращает на себя внимание тот факт, что заимствованные восточными славянами обиходные термины **чръньць** — **попъ** — **комѣканик** — **постъ**, по большей части западного происхождения, были широко распространены в восточноболгарских памятниках, начиная с Супрасльской рукописи. Возможно, они были восприняты на Руси от носителей восточноболгарского узуса вместе с богослужебной практикой, из церковного обихода. Напротив, сугубо книжное в древнерусском узусе слово **мънихъ** отсутствует в Супрасльской рукописи; можно предположить, что оно заимство-

валось не из церковного обихода, а через церковнославянские тексты. Разумеется, предположение о том, что статус того или иного слова в восточнославянской письменности зависел от пути его проникновения в сферу церковной терминологии, нуждается в проверке на более обширном материале.

Сопоставляя распределение рассмотренных синонимов в южнославянских и восточнославянских памятниках, можно заметить принципиальное отличие, составляющее специфику рецепции церковной терминологии на Руси. В древнейшей южнославянской письменности не наблюдается распределения соответствующей лексики по жанрам, словоупотребление определяется языковыми традициями. Поэтому внутри одного памятника можно встретить разную терминологию, если в его создании участвовало несколько книжников (как в переводе «Римского патерика» или Ефремовской кормчей). На восточнославянской почве заимствованные церковные термины различаются по степени книжности и тяготеют к разным жанрам. Усвоение терминологии памятниками определенного жанра могло обуславливаться его особенностями, как видно на примере канонических и дисциплинарных сочинений с их ориентацией на прецедентные тексты.

В восточнославянской книжности обнаруживается устойчивая конфигурация обиходных церковных терминов, объединяющая летописи, записи писцов, поучения, вопрошания и ответы священнослужителей, подборки канонических и дисциплинарных правил (несмотря на языковую гетерогенность последних), а также берестяные грамоты. Она выглядит следующим образом: **чьръньць** — **попъ** — **постъ** / **говѣникъ**. Правда, последний член этой цепочки (**постъ** / **говѣникъ**) не представлен в записях писцов и берестяных грамотах, но этот пробел отчасти компенсируется наличием термина **говѣникъ** в «Русской Правде». Данная устойчивая конфигурация характерна для восточнославянского книжного узуса, совпадавшего по этому параметру с бытовым. В церковнославянских оригинальных древнерусских памятниках домонгольского периода представлены другие конфигурации. Дальше всего от обиходного узуса отстоит «Житие Феодосия Печерского» Нестора, предпочитающее термины **чьрноризьць** / **мънихъ** / **чьръньць** — **прозвѣттеръ** — **постъ**; близко к нему «Сказание о Борисе и Глебе». Из переводных текстов такая конфигурация больше всего соответствует словоупотреблению «Жития Феодора Студита» и «Синайского патерика». Ближе к обиходному узусу конфигурация терминов в «Слове о законе и благодати» Илариона: **чьрноризьць** — **попъ** — **поститисѧ** [Молдован 1984: 222–235].

Обращает на себя внимание дистанцированность от обиходного древнерусского узуса «Устава студийского» и «Ответов» Иоанна II, предназначенных специально для восточнославянской аудитории (об «Ответях» Георгия судить труднее, поскольку сохранившийся текст мог быть в какой-то мере переработан). Она свидетельствует о том, что обиходный узус на Руси не испытывал ощутимого влияния со стороны церковнославянских текстов, созданных в XI в. для местного монашества и духовенства.

Литература и источники

- Афанасьева 2012а — Т. И. Афанасьева. Литургическая терминология в славянских служебниках XIII–XV вв.: эволюция литературной нормы и церковного узуса // Русский язык в научном освещении. 2012. № 23 (1). С. 250–266.
- Афанасьева 2012б — Т. И. Афанасьева. Древнеславянские толкования на литургию в рукописной традиции XII–XIV вв. Исследование и тексты. М., 2012.
- Афанасьева 2015 — Т. И. Афанасьева. Литургии Иоанна Златоуста и Василия Великого в славянской традиции (по служебникам XI–XV вв.). М., 2015.
- Баранкова 2005 — Чиста молитва твоя. Поучение и послания древнерусским князьям киевского митрополита Никифора / Изд. подгот. Г. С. Баранкова. М., 2005.
- Баранкова 2012 — Г. С. Баранкова. «Неведомых словес изложено Георгием, митрополитом Киевским, Герману игумену вопрошающему, оному поведующу»: вопросы подлинности памятника и особенности его языка // Религии мира: История и современность. 2006–2010. М.; СПб., 2012. С. 15–43.
- Баранкова 2017 — Г. С. Баранкова. «Правила о черноризцах» в Кормчих книгах и сборниках // *Palaeobulgarica* / Старобългаристика. ХСІ/1. 2017. С. 56–78.
- Бенешевич 1906–1907 — Древне-славянская кормчая XIV титулов без толкований / Труд В. Н. Бенешевича. Т. 1. Вып. 1–2. СПб., 1906. Вып. 3. СПб., 1907.
- Давидов 1976 — А. Давидов. Речник-индекс на Презвитер Козма. София, 1976.
- Дидди 2001 — К. Дидди. Патерик Римский: Диалоги Григория Великого в древнеславянском переводе. М., 2001.
- Дубровина и др. 1977 — Выголексинский сборник / Изд. подгот. В. Ф. Дубровина, Р. В. Бахтурина, В. С. Голышенко. М., 1977.
- Зализняк 2004 — А. А. Зализняк. Древненовгородский диалект. М., 2004.
- Истрин 1930 — В. М. Истрин. Хроника Георгия Амартола в древнем славяно-русском переводе. Т. III. Греческо-славянский и славянско-греческий словари. Л., 1930.
- Князевская и др. 1971 — Успенский сборник XII–XIII вв. / Изд. подгот. О. А. Князевская, В. Г. Демьянов, М. В. Ляпон. М., 1971.
- Лебедева 1988 — Словоуказатель к тексту «Повести о Варлааме и Иоасафе», памятнику древнерусской переводной литературы XI–XII вв. / Сост. И. Н. Лебедева. Л., 1988.
- Лексика 1981 — Лексика и фразеология «Моления» Даниила Заточника. Л., 1981.
- Максимович 2004 — К. А. Максимович. **Законъ соудьнын людмъ**. Историко-лингвистические аспекты исследования славянского юридического памятника. М., 2004.
- Максимович 2005 — К. А. Максимович. Региональные лексические архаизмы в моравских книжно-славянских памятниках IX в. // Русский язык в научном освещении. 2005. № 9 (1). С. 116–162.
- Молдован 1984 — А. М. Молдован. «Слово о законе и благодати» Илариона. Киев, 1984.
- Мушинская 2015 — М. С. Мушинская. Изборник 1076 года: текстология и язык. М., 2015.
- Павлов 1890 — А. [С.] Павлов. Неизданный памятник русского церковного права XII в. СПб., 1890.
- Пентковский 2001 — А. М. Пентковский. Литургическая терминология в византийско-славянской контактной зоне // Становление славянского мира и Ви-

занятия в эпоху раннего средневековья. XX конференция памяти В. Д. Королюка. М., 2001. С. 87–90.

Пичхадзе 2011 — А. А. Пичхадзе. Переводческая деятельность в домонгольской Руси: лингвистический аспект. М., 2011.

ПСРЛ I — Полное собрание русских летописей. Т. I. Лаврентьевская летопись. М., 1997.

Райнхарт 2014 — Й. Райнхарт. Славянский перевод апокрифа *Didascalia Domini* / *Откровение святым апостолам* (BHG 812a-e) // *Studia Ceranea*. 4. 2014. P. 141–160.

РИБ VI — Русская историческая библиотека. Т. VI. СПб., 1880.

СДЯ XI–XIV 1–11 — Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.) Т. 1–11. М., 1988–2016 (Т. 6 — 2-е изд. М., 2009).

Симеонов сборник — Симеонов сборник (по Светославовия препис от 1073 г.) / Под общ. ред. на П. Динеков. Т. 1–2. София, 1991–1993.

Смирнов 1912 — С. Смирнов. Материалы для истории древнерусской покаянной литературы. М., 1912.

Срз. I–III — И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка. Т. I–III. СПб., 1893–1912.

ССЯ I–IV — Словарь старославянского языка. Репринтное издание. Т. I–IV. СПб., 2006 (= *Slovník jazyka staroslověnského*. I–IV. Praha, 1958–1997).

Столярова 1998 — Л. В. Столярова. Древнерусские надписи XI–XIV веков на пергаменных кодексах. М., 1998.

Турилов 2004 — А. А. Турилов. Ответы Георгия, митрополита Киевского, на вопросы игумена Германа — древнейшее русское «вопрошание» // *Славянский мир между Римом и Константинополем / Славяне и их соседи*. Вып. II. М., 2004. С. 211–262.

Шевченко 2007 — И. И. Шевченко. О западных истоках старославянских понятий «мощи» и «причащение» // *Византийский временник*. Т. 66 (91). 2001. С. 223–228.

Юрьева 2017 — Киевская летопись / Изд. подгот. И. С. Юрьева. М., 2017.

Янин и др. 2015 — В. Л. Янин, А. А. Зализняк, А. А. Гиппиус. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 2001–2014 гг.). М., 2015.

Christians 2001 — *Wörterbuch zum Gottesdienstmenäum für den Monat Dezember slavisch-griechisch-deutsch nach ostslavischen Handschriften des 12. und 13. Jahrhunderts mit einem Glossar griechisch-slavisches* / Bearb. von D. Christians. Wiesbaden, 2001.

Dumitrescu 1976 — M. Dumitrescu. Синайский патерик. Указатель слов и форм. Т. I–II. București, 1976.

Maksimovič 2010 — *Das byzantinische Syntagma in 14 Titeln ohne Kommentare in altbulgarischer Übersetzung: Slavisch-griechisches, griechisch-slavisches und rückläufiges (slavisches) Wortregister, zusammengestellt von Kirill A. Maksimovič, hrsg. von L. Burgmann (= Forschungen zur byzantinischen Rechtsgeschichte 27). Halbbd. 1. Frankfurt am Main, 2010.*

Резюме

В статье анализируются различия между книжной и обиходной лексикой в древнерусской письменности. На восточнославянской почве заимствованные у южных славян церковные термины различаются по степени книжности и тяго-

теют к разным жанрам. В восточнославянской книжности обнаруживается устойчивая конфигурация обиходных церковных терминов, объединяющая летописи, записи писцов, поучения, вопрошания и ответы священнослужителей, подборки канонических и дисциплинарных правил, а также берестяные грамоты: **чьрньць** — **попъ** — **постъ** / **говѣннѣ**. Восточнославянский книжный узус совпадает по этому параметру с бытовым. В церковнославянских оригинальных древнерусских памятниках древнейшего периода представлены другие конфигурации. Показано, что восточнославянские обиходные термины, по большей части моравского происхождения, были широко распространены в восточноболгарских памятниках X в., в то время как в церковнославянских текстах, переведенных на Русь в XI в. («Устав студийский», «Ответы» митрополита Иоанна II), данные термины отсутствуют или имеют ограниченное распространение. На этом основании выдвинуто предположение, что они были восприняты на Руси от носителей восточноболгарского узуса вместе с богослужебной практикой, из церковного обихода.

Ключевые слова: древнерусская лексика, книжная и обиходная церковная лексика, жанры древнерусской письменности.

Получено 15.03.2018

ANNA A. PICHKHADZE

ON THE FUNCTIONING OF OLD RUSSIAN BOOKISH AND COLLOQUIAL CHURCH TERMS

This paper analyzes the difference between bookish and colloquial church lexis in Old Russian writings. In East Slavic texts, church terms borrowed from South Slavs are to variable degrees bookish and tend to be used in different genres. East Slavic chronicles, colophons of scribes, edificatory letters of hierarchs, questions to hierarchs and their canonical responses, collections of canonical rules and penitentials, as well as birch-bark letters share a stable configuration of colloquial church terms: *чьрньсь* 'monk' — *попъ* 'priest' — *постъ* / *говѣнѣ* 'fast'. Old Russian written usage shares this feature with the colloquial register. In Church Slavonic monuments created in Kievan Rus' other configurations are represented. The paper shows that East Slavic colloquial terms — mostly of Moravian provenance — were widespread in East Bulgarian writings of the 10th century, while they are rare or absent in Church Slavonic texts translated in Rus' during the 11th century (*The Studite Typicon*, *The Canonical Responses* of Metropolitan Ioann II). Against this background the suggestion is made that these terms were adopted from Eastern Bulgarian speakers alongside the liturgy and church practice.

Keywords: Old Russian lexis, Old Russian bookish and colloquial church terms, genres of Old Russian writings.

Received on 15.03.2018